

В. Б. ВЛАСОВА

**Соотношение
персональной
модернизации
с социальными
процессами**

Время движется постоянно, и мы движемся вместе с ним. Значит, прав был А. Блок: спокойных веков не бывает — «Летит, летит степная кобылица и мнет ковыль...» Но время разбрасывать камни все же отличается от времени собирать камни. И не всегда бывает очевидно, что более судьбоносно — периоды, так сказать, извержения вулкана истории или периоды подспудного кипения магмы. Конечно, землетрясения сметают построенное человеком сегодня, но они же научают его впредь созидать свои постройки на сваях. И хотя кипящая лава сносит все на своем пути, но она же образует новые острова. В эту объективную логику перемен вполне вписывается и интересующий нас феномен, расплывчато обозначаемый в философской и социологической литературе как модернизация общества. Попытка более четко представить действительное содержание этого явления в его единстве при всем видимом многообразии его форм — одна из задумок настоящей работы.

И прежде всего представляется важным подчеркнуть, что в качестве процесса «современивания» этот ряд событий присутствует всегда и везде: если можно так выразиться, на макро- и микроуровне. Ибо движение человечества (стало быть, и человека) от вчерашнего дня истории к ее завтрашнему дню протекает непрерывно. Оно заключается не только в переходе от традиционной регуляции общественного целого к автономной рациональной деятельности индивидов, хотя это на самом деле один из важнейших переломных моментов мирового прогрессивного развития. Адаптация общества в рамках современной научно-технической рево-

люции — не менее радикальный момент, равно затрагивающий и «отсталые» периферийные стра-

ны, и «развитые» западные центры глобальной цивилизации. Разница здесь чаще всего лишь в готовности населения принять новое, а также в наличии или отсутствии оптимальных средств «привыкания» и, следовательно, в темпах, широте и глубине вовлечения масс в упомянутые серьезные перемены. Не последнюю роль в определенности результатов играют как раз творческие потенции отдельных людей, гарантирующие степень реализации их персональной модернизации. А эти последние не всегда прямо пропорциональны географической близости к «центру», то бишь к непосредственным источникам, а точнее сказать, сформировавшимся в той или иной стадии модернизации ее образцам. Рассмотреть соотношение всеобщего процесса и специфики его частных составляющих — весьма интересная задача.

С этой точки зрения, уместно видеть в персональной модернизации не только и, может быть, не столько часть целого или слагаемое некой «суммарной» трансформации общественной жизни, сколько самостоятельное осуществление более или менее значимых внутренних преобразований ценностных ориентаций личности. Эти подвижки в духовном мире отдельно взятой индивидуальности, безусловно, тесно сплетены с, так сказать, интегральной сутью общественного процесса — в его экономической, социальной, политической и т. д. «производных». Однако это переплетение исключительно сложное, противоречивое, несводимое в единую линию и даже неоднозначное, поскольку оно всякий раз случается в исто-

рически конкретном месте и времени, с исторически конкретными лицами, а поэтому зависит в конечном счете от уникальных исторических (а иногда и житейских) обстоятельств. Проследить, хотя бы фрагментарно, особенности упомянутой трансформации мира духовных ценностей общества под углом зрения персональных «ипостасей» модернизации сегодня (а иногда для сравнения) и вчера — также одна из задач предлагаемой статьи.

Так как в данном случае речь идет о перестройке ориентации внутри формирующейся (у молодежи) или уже более или менее сложившейся системы ценностей индивидуального субъекта социального действия, то не лишним будет напомнить, что эта система имеет своим обязательным основанием прямую, косвенную или обратную (когда мы имеем дело, скажем, с маргинальным сознанием) связь с общепринятой, укоренившейся в том или ином варианте ментальностью социального субъекта персональной модернизации, то есть типичного в той или иной модификации участника рассматриваемого процесса. Вот эту, как говорится, «двоичность» зависимости персональной модернизации от материальной и от духовной практики социальной модернизации в целом тоже предстоит здесь проанализировать более подробно.

И наконец, замыкающая порядок перечисления, но далеко не последняя по важности цель предпринятого здесь изучения проблематики персональной модернизации заключается в том, чтобы разобраться, существует ли в действительности глубокая, сущностная параллель между процессами модернизации и глобализации в современном мире, а также выяснить (если она реально существует), в какой мере эта параллель способна взаимно корректировать форму и содержание обоих процессов. При этом способ анализа исторического материала в главных своих особенностях конституируется именно тем срезом видения модернизации и глобализации, который был зафиксирован выше в качестве методологической ха-

рактеристики специфики персональной модернизации как таковой.

Другими словами, в нижеследующем изложении предпринята попытка взглянуть на обозначенные только что процессы «изнутри» переживающего их субъекта, но взятого, главным образом не в его сиюминутной качественно индивидуальной определенности (хотя уникальные моменты по мере надобности будут в примерах отмечены), а представленного как более или менее типичный носитель данной социальной среды со свойственным ей в целом, исторически сложившимся строем мысли, образом впечатлений и т. п. проявлениями в частном человеке общественного сознания его окружения. Тем самым приоритетным предметом рассмотрения и обсуждения намеченной выше проблематики предполагается выдвинуть модернизационные, а равно и глобализационные смещения внутри ценностных ориентаций современного российского обывателя (как наиболее близкого и понятного и автору, и читателю), «тестируемого» в его реакциях на социальные обстоятельства во всех их проявлениях. Итогом подобного изучения должен оказаться ответ на поставленный еще в заглавии вопрос: персональная модернизация — это причина или следствие определенного движения человеческой культуры во времени, фиксируемого как модернизация там и постольку, где и поскольку можно о ней говорить, основываясь на исторических фактах. Кстати говоря, сам разговор о мере такой возможности и о связанных с этим проблемах — специальный аспект предстоящего исследования¹.

И начать, как обычно, придется с нескольких методологических оговорок, очерчивающих авторскую позицию относительно не вполне еще устоявшихся или подвергающихся сегодня в литературе пересмотру понятий. Во-первых, в данной статье явление модернизации определяется за пределами веберовского социологизма², а именно она формулируется не как переход от традиционализма к рационализму в общественной практике, а как вхождение различных

по своим исходным ментальностям современных культур (поняты именно как культуры, а не как цивилизации)³ в единый мировой дом глобальной культуры, в том числе и в его цивилизационных ипостасях. Во-вторых, вытекающая отсюда интерпретация понятия глобализации не только и даже не столько как экономического или политического, но, условно говоря, аксиологического процесса носит сугубо философский характер⁴. И, в-третьих, особые ракурсы и акценты в представлениях о модернизационных и глобализационных характеристиках социальных феноменов в качестве взаимосвязанных атрибутов реальности общекультурного развития оказываются соответственно, с одной стороны, методологическим следствием, а с другой стороны — причиной своеобразного подхода к пониманию традиции как формы преемственности и развития культуры⁵.

Переходя к сути исследуемых проблем, прежде всего рассмотрим их в историческом аспекте. И в этом случае нельзя не отметить поразительный факт, что, несмотря на значительную роль в европейских, а позже и общемировых событиях, отечественная культура всегда стремилась «догнать» уходящие вперед государства, поскольку наш народ позже других вышел из варварского состояния к цивилизованному существованию, тем более прерванному достаточно быстро татаро-монгольским нашествием, так что ему пришлось «потерять» в своем движении несколько столетий, прежде чем он смог хотя бы приблизительно вернуться к подлинному национальному развитию. Об этом много сказано и в исторической, и в философской литературе. Поэтому нет нужды подробно объяснять суть и методы «догоняющей» модернизации, скажем, в России петровских времен⁶. Однако имеет смысл коротко акцентировать некоторые особенности преобразований Петра Великого, взятые в аспекте личностного их восприятия в российском обществе того времени, с тем чтобы понять трудности и успехи этой модернизации в ее персональной ипостаси.

То обстоятельство, что боярам насильно брили бороды или взымали за их ношение немислимый налог, с точки зрения глобального процесса, вероятно, следовало бы оценить, по крайней мере, как третьеразрядное событие, если бы не традиционное отношение к этому «украшению лица», укорененное в индивидуальном российском сознании конца XVII — начала XVIII века. Бритое лицо воспринималось большинством народа как оскорбление приличий, сходное с оголенным задом. Поэтому наиболее консервативная (и в то время как раз наиболее уважаемая в силу знатности и возраста) часть общества — боярство — интуитивно настроилась против петровских реформ вообще, не видя за деревьями леса. Европейское платье, кофе и табак, даже если они не вредили здоровью, представлялись многим и многим лицам не только сумасбродством юного царя, вернувшегося из европейского «турне» (а по слухам, подмененного там басурманами), но политически небезопасными затеями, самоубийственными для исконно русской культуры, завещанной предками, и прежде всего для православного образа веры, на котором во многом основывалась прежде российская государственность (от Дмитрия Донского до Алексея Михайловича Тишайшего).

В таких условиях реализация замыслов Петра о европеизации России и в других, более существенных областях общественной, политической, хозяйственной и культурной жизни представлялась бы мало вероятной, если бы не тот факт, что в своей реформаторской деятельности он опирался не на сословный фактор, а на реальные способности людей, вышедших абсолютно из всех сословий общества, но «радевших» о благе Отечества. Вчерашние крестьяне, купцы и ремесленники охотно расставались со своими «бородами» во имя получения образования, возможности свободно приумножать свое личное (а значит и всеобщее) благосостояние; во имя приближения к царю-плотнику с его государственными проектами обновления страны; во имя славной творческой

карьеру на поприще служения Отчизне. Такое прямое обращение к народным талантам не практиковалось никогда прежде, и потому оно нашло благодарный отклик в гуще народа.

На сторону Петра в его единоборстве с «квасным» патриотизмом встали наиболее активные, наиболее прозорливые, наиболее способные к инновациям люди — «птенцы гнезда Петрова», которые двинули вперед военные (и в первую очередь флотоводческие) успехи России, ее науку и технику, ее экономику и политику. Противники же реформ были людьми, как правило, малоподвижными в политическом и хозяйственном смысле; часто даже малограмотными или вовсе неграмотными, несмотря на принадлежность к высшим слоям общества; наконец, попросту ленивыми и склонными уповать на бессменный русский «авось». И в конечном счете именно персональная модернизация «молодых и рьяных» решила дело, которое, конечно, не обошлось без потерь, но тем не менее пробило себе дорогу и стало фактором русской истории, определившим ее пути на несколько столетий.

Правда, немаловажными в реальных исторических судьбах петровской модернизации представляются те особенности психологии ее проводников, которые всегда мешали сознательным попыткам российских новаторов двигать нашу страну по пути общественного прогресса. Одна из этих особенностей — нетерпение, стремление любой ценой добиться всего и сразу, без внимания к объективным возможностям, а также, что особенно важно в контексте настоящей статьи, — к ценностям и предпочтениям рядовых участников или, если можно так выразиться, пассивных объектов социальных «перестроек». Тем более что в системе этих ценностей и предпочтений традиционно главное место занимали нравственные, духовные составляющие, на которых и зиждились индивидуально-оригинальные оценки собственного бытия во времени и пространстве, равно как и оценки взаимоотношений с другими «действующими лицами» процесса.

В связи с этим резонно предположить, что удача или неудача деятельности лидеров модернизации связана не только с объективным состоянием реформируемых структур общественной жизни, но и с содержанием общественного сознания в его массовой форме, которое порождается этим состоянием, в известной мере «вызревая» или «не вызревая» для восприятия перемен: от того, как именно пересекутся, совместятся или разойдутся индивидуальные ценностные конструкты вольных или невольных субъектов модернизации общества, прямо или косвенно зависит ее осуществление. Другими словами, мера реализации «глобальных» целей предполагаемых социальных преобразований далеко не в последнюю очередь определяется характером персональной модернизации их исполнителей и восприимчивых.

В качестве иллюстративного доказательства этого тезиса интересно отметить, что именно нетерпение погубило, в частности, судьбу дела, затеянного большевиками в 1917 году⁷, так как, во-первых, российское общество в его сознательно-активной части нуждалось лишь в ближайших политических изменениях, выполненных, по крайней мере формально, буржуазными революциями 1905 и 1917 гг.; а во-вторых, Россия не была в это время готова к социалистическим (не говоря уже о коммунистических) преобразованиям в силу отсутствия необходимых экономических, научно-технических предпосылок и правового сознания масс. В этой исторической ситуации, как и во многих других попытках модернизировать общественный уклад, государственный строй или самосознание российского человека, рассчитанных на эффект от насильственных (в том или ином отношении) действий реформаторов, нравственная, духовная, идеологическая реакция индивидуальных ментальностей, суммированных в заданном количественном масштабе, приводит в конечном счете к осуществлению модернизации «навыворот».

При этом речь идет не только о наличии тех или иных положительных идейно-нрав-

ственных установок, способных обнаружить некоторые «слабые места» в модернизационной программе, призванной осуществить усовершенствования в объективной реальности или в общественном сознании в целом. Еще чаще к «модернизации навыворот» может привести отсутствие необходимых положительных установок, а точнее, их разрушение, исключение в качестве предпосылок модернизационных планов. В этих случаях персонa «усваивает» нечто новое лишь из соображений самосохранения в предписываемых ей новационных условиях, то есть формально, поверхностно, с чувством внутреннего протеста или в качестве известной «социальной маскировки»⁸. Такое положение дел прекрасно схвачено анекдотическим афоризмом времен застоя в СССР: «У меня есть собственное мнение, но я с ним не согласен». Нет нужды доказывать, что такая «приспособительская» персональная модернизация — залог будущего провала действительных, содержательно освоенных процессов модернизации в обществе. И это в лучшем случае. В худшем случае «модернизация навыворот» укрепитя в своей мнимости, получит собственные, отчужденные стимулы и создаст достаточные условия для вырождения культуры в псевдокультуру, что фактически в известной мере состоялось в СССР после его победы в Великой Отечественной войне⁹.

Подобная ситуация имела своими корнями модернизационные попытки становящейся советской власти, предпринятые сразу после октябрьского переворота. В частности, процессы индустриализации в нашей стране, сопровождавшиеся параллельным закабалением крестьянства в колхозной системе, построенной на репрессиях и чиновничье-партийном самоуправстве, наряду с успехами и достижениями в отдельных отраслях народного хозяйства привели к невосполнимым, как оказалось, потерям личного плана. И здесь речь идет не только и даже не столько о гибели огромного количества выдающихся деятелей науки, политики, искусства, военного дела и т.д., сколько

о ликвидации целых слоев населения. Например, исчезла с лица земли творческая сила российского крестьянства в лице его наиболее талантливых, наиболее ответственных, а потому наиболее перспективных с точки зрения исторического движения вперед представителей, более других готовых к подлинной модернизации традиционного общинного хозяйства на селе. Но это только одна сторона дела.

Другая же, как раз наиболее актуальная для исследования избранной темы сторона представлена тем обстоятельством, что в результате применения волюнтаристско-революционаристских методов «частичная» модернизация общественной практики привела волей-неволей к отчуждению от подлинных, то есть гуманистически насыщенных целей этого процесса. И прежде всего это отчуждение сказалось на том, что серьезно, а может быть, даже катастрофически пострадала персональная модернизация общественного сознания, взятого на уровне массового субъекта строительства социализма, поскольку именно на этом уровне были фактически утеряны нравственные абсолюты, свойственные прежде традиционной культуре российского народа¹⁰. Конечным результатом такой деформации ценностных ориентиров и стало окончательное утверждение приспособительства не только в повседневном бытии трудящихся, но, что самое опасное, в модернизационной практике их вождей-реформаторов.

Начался этот постепенный рост «модернизации навыворот» почти сразу после утверждения советской власти. Чтобы представить себе, что происходило с массовым субъектом в деревне (а аналогичные процессы происходили и в городе), обратимся к анализу документов смоленского партийного архива почти восьмидесятилетней давности, представленному журналом «Огонек» в годы перестройки¹¹. Первый вопрос, который задают себе авторы соответствующей статьи, знакомясь с подлинными историческими свидетельствами того времени, сводится, коротко говоря, к следующему: когда

в 1919–1920 гг. у крестьян отбирали хлеб, оставляя нетронутым хозяйственный механизм, деревня отвечала восстаниями, в конце концов породившими НЭП. Через десять лет ломали всю систему отношений, отнимали самую жизнь — и «молчала деревня, парализованно молчала». Почему? Действуют проводники пролетарской политики из города? «Они могут арестовать, отнять хлеб, а вот натравить одну часть деревни на другую... Здесь нужды свои, коренные. Свой низовой аппарат насилия, которого не существовало в 19-м и который был воспитан за 10 лет»¹². Как это произошло? На какой почве вырос этот «новый человек», призванный революцией осуществлять превращение России в передовую, цивилизованную державу? Вывод потрясает своей очевидностью: «То были обыкновенные малограмотные парни, с трудом владевшие политической терминологией, развращенные властью, которая давала им возможность попить, покуражиться, погулять. По-настоящему научились они одному — *готовности выполнять любые указания*»¹³.

А ведь именно такой социальный тип и становится со временем — чем дальше, тем больше — вершителем судеб социализма как строя, а значит, и судьбы своего народа в мировой истории. Именно этот социальный субъект укоренился в экономических условиях наследия почти непрерывной шестилетней войны (империалистической-гражданской), в бескультурной, идеологически примитивной и политически авантюрной атмосфере «кампаний» и «мероприятий» по немедленному осуществлению «нетерпеливых» планов построения «самого совершенного» в истории человечества коммунистического строя общества. Как формировался этот массовый субъект, кто были представлявшие его люди? Каким молоком были вскормлены их ценностная ориентация и практические стимулы «руководящей деятельности»? На эти вопросы мы также находим ответ в цитируемой выше статье: «их сознательная жизнь начиналась в советских условиях, когда крестьянские тради-

ции домовитости и трудолюбия вступили в столкновение с привнесенными из города апологией бедности, безземелья, идеями классовой борьбы... Вступая в союз с политической системой... крестьянский парень знал: ему многое простят, но в одном надо быть предельно исполнительным — в проведении любой политической кампании... Им с юных лет объясняли... что классовый подход заменяет, в сущности, все моральные категории их предков»¹⁴. В подготовленном таким образом индивидуальном сознании «идея равенства трансформируется в принцип послушания, покорности обстоятельствам, начальственной воле. Именно такое равенство воспринимается как одно из неперенных условий социализма»¹⁵. Описание аналогичной исторической логики движения персональной модернизации участников процесса строительства социализма встречаем мы и в научных статьях эпохи перестройки, и в художественной прозе, например такого великого писателя советского периода, как Андрей Платонов, представленной прежде всего его романами «Чевенгур» и «Котлован».

Таким образом главным непростительным деянием сталинских культуртрегеров, обрекшим, по существу, наш народ на экономическую отсталость и культурное вымирание (вопреки всем отдельным достижениям военной науки и техники), было культивирование в индивидуальном сознании «строителей социализма» мнимых ценностей, оправдывавших карательные действия и доноительство властям: создание и пропаганда ложного, иллюзорного сознания гордости у проводников персональной модернизации за свою духовную бедность, за свою нетерпимость к мировой («буржуазной») культуре, за свою оторванность от собственных исторических традиций (в частности, от религии), а также от подлинных образцов современной отечественной культуры, объявленных антисоветскими, несовместимыми с коммунистическими идеалами, вследствие так называемого «абстрактного гуманизма» их авторов. Самой первой добродетелью

творца социализма было провозглашено беспрекословное подчинение интересам государства. Тем самым *субъектность* персональной модернизации сводилась фактически исключительно к исполнительской деятельности, а творчество, без которого на самом деле невозможна не только глобальная, но и персональная модернизация, оказалось за пределами возможностей индивида в стране победившей диктатуры одного-единственного класса (пролетариата), одной-единственной формы собственности («общественной», а точнее — государственной) и одной-единственной партии (КПСС), которая определяла пути движения к модернизационным преобразованиям в строгом соответствии с одной-единственной «генеральной линией».

Причиной выхолащивания творческой инициативы индивидуальных носителей модернизационного начала в советском обществе было прежде всего отсутствие свободы выбора в сфере экономики, политики, научной деятельности, искусства и даже нравственности. Но определяющим это состояние дел фактором явилось наличие постоянной объективно-экономической зависимости наемных работников от государства как всеобщего работодателя, контролера и цензора, ибо именно эта зависимость ставила широчайшие массы трудящихся в положение, когда внутри почти каждого советского человека поселился на постоянное жительство свой собственный, персональный надзиратель за его поступками, мыслями, склонявший его с большим или меньшим успехом к тому, чтобы «вполне искренно» стать конформистом. В противном случае ему грозила перспектива превратиться в жалкого скитальца без средств к существованию и крыши над головой, эмигрировать или даже лишиться жизни.

В заключение представленного здесь исследования стоит подчеркнуть, что в ответ на поставленный в заглавии статьи вопрос о том, является персональная модернизация причиной или следствием современных социальных процессов, возможен только один

ответ, хотя и достаточно сложный по содержанию. А именно: персональная модернизация, безусловно, выступает как причиной, так и следствием протекающих в стране общемодернизационных процессов. При этом причиной она оказывается так и постольку, где и поскольку суть этих преобразований сводится, прежде всего, к изменению содержания ценностных ориентиров общественного сознания в целом в результате аналогичных изменений в сознании отдельных представителей, членов модернизирующего общества.

Однако, как выяснилось из предшествующего рассуждения, такая модернизация во многом сама зависит от неких реальных отношений бытия, которыми персональная модернизация определяется в гораздо большей степени, чем лозунгами реформаторов. А потому можно в равной степени считать, что персональная модернизация является следствием общемодернизационных процессов в той мере, в какой они укоренены в повседневной практике общества, в его бытии здесь и сейчас. Так что в конечном итоге можно сделать вывод о том, что подлинная — долговременная и исторически перспективная — модернизация общественных отношений может иметь место лишь в таком обществе, где новационные ценностные ориентиры реформаторов вырастают из действительных объективных потребностей массового субъекта исторического развития, а преобразующая реальность практика реформаторов опирается на готовность индивидуальных носителей массового сознания принять их ценностные ориентиры как свои собственные.

¹ Если иметь в виду полное рассмотрение заявленных выше проблем, то следовало бы рассчитывать на более широкий объем статьи. В данном случае исполнена лишь часть необходимого изучения, исследовательские границы которой определены прежде всего общеметодологическими задачами, а используемый иллюстративный материал носит не столько современный, сколько исторический характер.

Однако в будущем надлежит рассмотреть и остальные аспекты проблематики персональной модернизации.

² Об основаниях отказа от веберовских представлений о модернизации см.: Модернизация и глобализация: образы России в XX веке. М., 2002. С. 139–141.

³ Уточнение см.: Завадский С. А., Новикова Л. И. Искусство и цивилизация. М., 1986. С. 14–49.

⁴ См.: Модернизация и глобализация... С. 135–137.

⁵ См. там же. С. 141–142.

⁶ Об этом см.: Князьков С. Очерки из истории Петра Великого и его времени. СПб., 1914; Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. Петрозаводск, 1996. С. 604–601; Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. М., 1984; Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 11–13; Козловский В. В., Уткин А. И., Федотова В. Г. Модернизация: от равенства к свободе. СПб., 1995. С. 168–177; Новикова Л. И., Сиземская И. Н. Три модели развития России. М., 2000. С. 35–57; Они же. Российские ритмы социальной истории. М., 2004. С. 29–34 и др.

⁷ Здесь намеренно употреблено слово «погубило», хотя большевики праздновали свою победу в течение последующих семидесяти лет. Дело в том, что это была пиррова победа, ибо именно то обстоятельство, что в споре с меньшевиками о судьбах культурной революции в России, начавшемся еще после неудачи «генеральной репетиции» 1905 г., в конце концов победили большевики, оказалось решающим в трагедиях дальнейшего развития советского общества вплоть до его самоуничтожения в годы перестройки. Подробнее об этом несколько ниже.

⁸ Характерным примером предвидения подобной ситуации может послужить неудача замыслов Екатерины II продолжить модернизационную деятельность Петра по приобретению России не только географически, но

и в экономическом, а главное — в социально-политическом плане к европейской цивилизации XVIII века. Опираясь на философские принципы французских просветителей, она предложила российскому обществу свое видение социально-правового законодательства, способное, как ей казалось вначале, легко преодолеть «отставание» империи от ведущих цивилизованных стран того времени. Однако, столкнувшись с непониманием, а подчас и с прямой враждебностью со стороны созданной ею для консультаций Комиссии земских представителей, императрица поняла, что в данных исторических обстоятельствах отмена крепостного права не только не выполнима, но в известном смысле вредна, поскольку современное ей российское общественное сознание в целом и на уровне его индивидуальных проявлений в частности не готово к осуществлению такой реформы. Но, к сожалению, столь глубокая государственная мудрость не всегда была отличительной чертой российских революционеров. См.: Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. С. 690–703.

⁹ См.: Кермен В. Ф. Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура // Вопросы философии. 1989. №9. С. 65–80.

¹⁰ Люди привыкали жить двойной жизнью, и это приводило к постепенному, но неуклонному извращению их нравственных, эстетических, общегуманистических критериев, размывало границу между добром и злом, и в конце концов торжествовали равнодушие и ханжество, цинизм, разобщенность и даже враждебность людей друг к другу. Как пишет В. Распутин, «хата с краю» переместилась в Центр» (См.: Распутин В. Пожар // Роман-газета. 1986. №8. С. 52).

¹¹ См.: Зараев М., Шведов С. Тяжелая ноша // Огонек. 1989. №26.

¹² Там же. С. 4.

¹³ Там же. С. 6 (выделено мной. — В. В.).

¹⁴ Там же. 1989. №9. С. 6.

¹⁵ Там же. С. 7.